

Социальная история питейных заведений в России: общественная роль кабака в жизни деревенской общины (конец XIX - начало XX века)

Полина Недялкова-Травер / Paulina Nedjalkova Travert

[eSamizdat 2004 (II) 3, pp. 55–61]

НАШ интерес к истории питейных заведений в России, порожден тем фактом, что эта тема практически не была объектом исследования как русских, так и советских ученых. Единственная работа ей посвященная, датирует второй половиной XIX века. Речь идет о монографии Ивана Прыжова *История кабаков в России в связи с историей русского народа*, вышедшей в Петербурге в 1868 году. В ней автор однозначно представил кабак как государственную институцию, повинную в распространении пьянства среди русского народа.

В принципе, обращаясь к историческому контексту второй половины XIX века, нужно сказать, что алкогольная тематика стала более актуальной после внедрения в обиход шведским врачом Магнусом Гуссом в 1849 г. термина “алкоголизм”. В Европе, алкогольная проблема стала интересовать не только медиков, но и общественных и политических деятелей. Не осталась равнодушной к этой проблематике и Россия. Во второй половине XIX века - начале XX, появляется значительное количество работ, пытавшихся объяснить природу и специфику русского пьянства, рассуждавших о путях и средствах его искоренения. Довольно быстро кабак оказался в центре разгоревшихся дискуссий, превратившись в краеугольный камень русской внутренней политики. Мнение, что именно в кабаке и спивается русский народ стало расхожим в кругах интеллигенции, духовенства и радикально настроенных политических деятелей. Чернышевский писал о кабаке: “Кабак не просто лавка, в которой продается водка, [...] нет, кабак употребляет всю свою

изобретательность соблазна и плутовства, чтобы стать притоном всех возможных пороков”¹. Конечно же, критика этого заведения не была прецедентом в конце XIX века, а скорее старой песней на новый лад.

Тем не менее, мы считаем, что для понимания роли кабака в социальной жизни России, необходимо абстрагироваться от устоявшегося мнения о нем как об источнике пьянства и порока, а при изучении его истории не исходить из презумпции, что кабак был исключительно средством для пополнения государственного бюджета Российской империи.

Основание первого кабака традиция приписывает Ивану Грозному, который, возвратившись после взятия Казани, в 1552 г. запретил продавать в Москве водку, позволив пить ее одним опричникам, и для этого построил на Балчуге особый дом, названный по-татарски *кабак*². В кабаке опричники пили водку бесплатно, а по уничтожении опричнины ее начали продавать уже за деньги. У татар кабаком назывался постоялый двор, где продавались кушанья и напитки. В московском же предлагалось только спиртное: хлебное вино (т.е. водка), пиво, мед, и исключительно для одних крестьян и посадских; люди других сословий пили напитки у себя дома.

Кабаки стали постепенно распространяться по России и, по свидетельству английского ди-

¹ Н.Г. Чернышевский, *Полное собрание сочинений*, Петроград 1918, IV, с. 241–254.

² В.Н. Татищев, “Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской”, тот же, *Избранные произведения*, Ленинград 1979, с. 302; И.Г. Прыжов, *История кабаков в России*, Москва 1992, с. 36.

пломата Джильса Флетчера, к началу 90-х годов XVI века уже в каждом большом городе стоял государев кабак³. Следует отметить, что в Европе, в ту же самую эпоху, питейные заведения были уже широко распространены не только в городах, но и в селах. Например в Англии, по статистическим данным к 1577 году, питейных заведений было одно на 142 человека, а в 1630 одно на 104⁴.

В России большинство кабаков и возникших при них поварен, где готовили хлебное вино, пиво и мед, принадлежало государству, но часть их находилась во владении церковных и светских феодалов, которые получили право держать питейную продажу и присваивать прибыль⁵.

Царевы (государственные) кабаки либо отдавались на откуп, либо содержались “на вере”. При откупе, договором фиксировалась определенная сумма, которую откупщик выплачивал ежегодно государству за право торговли на определенной территории. При системе “на вере”, кабаки управлялись государственными служащими (кабацкими головами и “верными целовальниками”), которые должны были сдавать в казну весь годовой доход питейного заведения; в остальном же полностью были свободны от государственного контроля⁶. И откупщики, и кабацкие головы являлись агентами казны, и только они имели право продавать хмельные напитки на территории своего округа. До основания кабака, у русских равно как и у других славянских народов, существовали вольные (т.е. частные) корчмы. В Московском государстве, появление казенных заведений сопровождалось предписанием частные корчмы ликвидировать.

Однако долгое время в России не было хорошо разработанного законодательства по питейному вопросу. Даже в крупнейшем кодексе русского феодального права, Соборном Уложении 1649 г., многие вопросы кабацкого дела обойдены молчанием. Главное внимание в Уложении было уделено борьбе правительства с производством и продажей спиртных напитков частными лицами, то есть с кормчеством, чему посвящена глава 25: “Указ о корчмах”⁷. Несмотря на постоянно принимаемые меры, правительству никогда не удавалось прекратить незаконное производство и торговлю спиртными напитками.

Недовольство откупной системой, сопряженной с не малыми злоупотреблениями, стало проявляться практически с момента ее введения. В августе 1652 г. в Москве был созван очередной собор, вошедший в историю как “Собор о кабаках”. Решением правительства был установлен новый порядок торговли вином. Кабаки заменили кружечными дворами. Было предписано иметь в городах по одному кружечному двору, где надлежало продавать хлебное вино только на вынос. В малых селах и деревнях кабаки следовало закрыть. Система откупов отменялась: все кружечные дворы должны были быть на вере⁸.

Кабацкая реформа каснулась и вопросов, связанных с потреблением спиртных напитков населением. Большую роль в этом отношении сыграл глава российской церкви, патриарх Никон. Его усилиями значительно активизировалась проповедь церкви против пьянства, а на Соборе о кабаках был принят целый ряд решений об ограничении продажи спиртного и сокращении времени работы кружечных дворов⁹.

³ Дж. Флетчер, *О государстве Русском*, Санкт-Петербург 1905, с. 51–52.

⁴ P. Clark, *The English Alehouse: a Social History 1200–1830*, London 1983, с. 43–44.

⁵ М.Я. Волков, *Очерки истории промыслов в России: вторая половина XVII - первая половина XVIII веков. Винокуренное производство*, Москва 1979, с. 25–26.

⁶ *Сведения о питейных сборах в России*, Санкт-Петербург 1860, I, с. 2–6; 8–9.

⁷ *Соборное Уложение 1649 г.*, Ленинград 1987, с. 133–136.

⁸ *Полное собрание законов Российской империи* [ПСЗРИ], I/1, н.72.

⁹ С.Б. Веселовский, “Кабацкая реформа 1652”, *Ежемесячный журнал*, 1914, 4, с. 59–66; И.И. Дитятин, “Царский кабак Московского государства”, *Русская мысль*, 1883, 9, с. 34–72.

В последствии, к откупу возвращались еще не раз, часто комбинируя его с системой “на вере”. В сущности, при обеих системах хлебное вино, мед и пиво являлись предметом регалии: право производства и торговли ими принадлежало казне, и она могла разрешать или запрещать частным лицам и даже целым сословиям как выкурку, так и оптовую и розничную продажу. Например, при Петре Первом, право на винокурение получили все сословия, а при Екатерине Второй, только дворянство. Что касается системы собирания питейного дохода, то в принципе, откуп казался более простым способом получения денег в казну, и с 1767 г. был введен снова по всему государству. Кабаки же велено было называть “питейными домами”. К концу XVIII столетия единая откупная система окончательно утвердилась, а питейный сбор составил более трети всей доходной части бюджета¹⁰. Отметим, что манипулирование питейными доходами не исконно русская практика в этот исторический период. В Англии на протяжении всего XVIII века, питейный сбор был основным финансовым источником казны¹¹.

Откупная система, хотя и критикуемая либеральными кругами, просуществовала с некоторыми изменениями до 1863 г., когда государственная политика реформ каснулась и питейного законодательства. Надо сказать, что смена системы ведения питейного дела, сопровождалась пылкими дебатами в прессе, не лишеными политического подтекста. Защитники крепостного права стояли на стороне откупа, тогда как либералы отстаивали акцизную систему, по западноевропейскому образцу. Аргументы в пользу крепостной системы основывались и на количественных данных по питейным заведениям. Так, к 1850 г. в казенных селениях по Великокороссийским губерниям один питейный дом приходился на 1204 жителя, а в помещичьих

имениях 1 на 2157¹².

Тем не менее с 1 января 1863 г. акцизная система заменила откуп и ввела принцип свободной торговли, в результате чего количество питейных заведений возросло.

Отметим, что при откупной системе, государство имело контроль над количеством питейных заведений, ограничивая законом его произвольное увеличение¹³. Также, и в период откупа и после, законами определялись их внутреннее устройство, часы работы и местоположение. Например, запрещалось строить кабаки у церквей, кладбищ, школ, казарм и прочие¹⁴.

В России XIX века, питейный дом или кабаки были далеко не единственным типом питейного заведения. Раздробительная продажа крепких напитков производилась таким образом – распивочно и навынос: из питейных домов, портерных и пивных лавок; только навынос: из ренсковых погребов, штофных и ведерных лавок; и только распивочно: в гостиницах, трактирах, ресторанах и постоялых дворах.

Несмотря на разнообразие питейных заведений, кабаки и трактиры были самими распространенными. Первый трактир появился в России по указу Петра I, в 1719 г. в Петербурге¹⁵. Трактиры отличались от кабаков тем, что там продавались не только спиртные напитки, но и кушанья, и поэтому это заведение не было объектом общественной критики. Однако необходимо внести уточнение, сказав, что, судя по описаниям кабака, в нем продавались хлеб и холодная закуска: соленые огурцы, капуста, валеная рыба, а иногда даже и еда. Тем не менее, нападкам стали подвергаться именно кабаки, как места распивочной продажи спиртного

¹² *Сведения о питейных сборах в России*, Санкт-Петербург 1860, I, с. 164.

¹³ ПСЗРИ, I/8, 5352; 18, 12818; 20, 14727; 35, 27367; 36, 27814; 38, 29076, 29887 – II/1, 467; 17, 15760.

¹⁴ Там же I/10, 7763; 11, 8260, 8674; 12, 9365; 38, 29071, 29076, 29161; *Правила о раздробительной продаже напитков, высочайше утвержденные*, 14.05.1884; *Новое полное законоположение о раздробительной продаже крепких напитков*, Москва 1886.

¹⁵ Там же, I, 3299.

¹⁰ В.О. Ключевский, “Курс русской истории”, тот же, *Сочинения в 9-ти томах*, Москва 1989, V, с. 289; D. Christian, *Living Water. Vodka and Russian Society on the Eve of Emancipation*, Oxford 1990, pp. 384–385.

¹¹ P. Clark, *The English Alehouse*, цит. соч., с. 8.

официально без закуски. К тому же, количество этих заведений при акцизной системе возросло, и обвинения государства в спаивании народа стали в этот период принимать отчетливую форму. Строго говоря, питейные заведения с продажей только алкоголя не были русским нововедением, а существовали практически во всех странах Европы.

Растущее потребление алкоголя в России, в следствии увеличения количества питейных заведений при акцизой системе, заставило правительство принять меры, для чего были сформированы комиссии при Министерстве финансов. Заключение, представленные комиссиями, отличались крайним разнообразием предлагаемых мер. Многие комиссии отмечали, что рост пьянства находится в зависимости от целого ряда бытовых условий и от уровня образования. Вместе с тем, по мнению большинства комиссий, проблема заключалась не столько в употреблении алкоголя, которое, по сравнению с другими странами совсем не велико, сколько в неравномерном и неправильном его потреблении. Следовательно, нужно приучить население к домашнему распитию алкоголя, для чего прежде всего следует придать местам продажи питей совершенно иной характер. Мнения комиссий сходились на том, что существование кабаков не может быть оправдано никакими соображениями. “Кабак - главное место, где разлагается и разоряется русский народ. В нем притон пьянства, разврата и мелкого ростовщичества. Следовательно, главную борьбу надо вести не с вином, а с кабаком, стараясь уничтожить его существование”¹⁶.

Таким образом, инициатива уничтожить кабак исходила от правительства, и эта идея вошла в более глобальные экономические планы министра финансов С.Ю. Витте, защитника монопольной системы. Вопрос о введении винной монополии (в форме казенной продажи напитков) начал широко обсуждаться уже в 1880-е

годы, и имел много сторонников. Сам Витте, в своих воспоминаниях, приписывал идею питейной монополии императору Александру III. Государя, по его словам, крайне мучило и смущало то, что “русский народ так пропивается”, и поэтому “необходимо принять какие-нибудь решительные меры против пьянства”¹⁷.

Новое *Положение о казенной продаже питей* было утверждено 6 июня 1894 г.¹⁸. Отныне продажа спирта, водки и водочных изделий состояла исключительное право государства. Реформа не касалась изготовления и продажи пива, портера, браги и виноградного вина; они по-прежнему облагались налогом, и частные лица могли содержать заведения трактирного промысла, пивные лавки, ренсковые погреба и временные выставки. Местами же продажи спирта и водочных изделий стали специальные казенные заведения – склады и винные лавки, которые в народе сразу же окрестили “монопольками” и “казенками”. Склады и лавки торговали спиртным исключительно навывнос, только в запечатанной посуде определенной емкости и по установленным Министерством финансов ценам¹⁹. Для удобства покупателей, в 1890-е годы была введена так называемая “демократическая посуда”: сотки (1/100 ведра, 120 гр) и полусотки (1/200 ведра, 60 гр), называвшиеся в народе соответственно “мерзавчики” и “полумерзавчики”. Таким образом, в результате реформы, кабак официально исчез как тип питейного заведения.

Интересно обратиться к статистике Российской империи за разные годы, и проследить, действительно ли зло, против которого боролось правительство, было столь распространено? Данные, которыми мы располагаем, относятся к XIX веку, и иногда достаточно противоречивы, но даже учитывая этот фактор, можно утверждать, что количество питейных заведений в великороссийских губерниях было со-

¹⁷ С.Ю. Витте, *Избранные воспоминания 1849–1911 гг.*, Москва 1991, с. 255–257.

¹⁸ ПСЗРИ, III/14, 10766.

¹⁹ Там же.

¹⁶ Б.И. Гладков, *Устав о питейном сборе и положение о трактирных промыслах*, Санкт-Петербург 1896, с. 27–28.

всем невелико. Для примера, приведем официальные данные за 1859 г., которые указывают, что в среднем питейных заведений в 30ти великороссийских губерниях было 1 на 1945 жителей²⁰, в первые годы акцизной системы 1 на 260, а в 1888 1 на 740²¹. При монополии же их количество существенно сократилось.

Для сравнения, укажем, что в Европе в конце XIX века по числу питейных заведений лидировала Франция, где в 1886 г. их было 1 на 94 жителя, а в 1913 г. 1 на 80²².

Введение монополии резко изменило форму народного потребления алкоголя, как в городе так и в деревне. В данном исследовании нас интересует, как отразилась новая государственная политика на жизни именно деревни, и чем являлся дореформенный каба́к в структуре деревенского пространства.

Когда речь идет о крестьянской жизни, сразу же возникает проблема материала. Авторами текстов о крестьянах в основном представители других сословий: дворянства, мещанства, духовенства. Свидетельств, оставленных самими крестьянами чрезвычайно мало. Благодаря архивам Этнографического бюро князя Тенишева, мы можем обратиться к аутентичным свидетельствам крестьян конца XIX века. В анкете, разосланной по 23 губерниям империи, отдельно фигурировали вопросы касательно трактира, кабака, а также отношения к пьянству в деревне. Основываясь именно на этих свидетельствах, мы можем вывести более полное суждение о роли кабака, столь критикуемого элитой, в общественной жизни русской деревни.

Материалы по разным губерниям однозначно показывают, что в деревнях, где трактиров было мало и основным питейным заведением был каба́к (обычно по одному на селение²³), нововведение правительства вызвало резко отрица-

тельную реакцию. Монополия воспринималась как желание государства лишить крестьян отдыха и праздника: “Последнего удовольствия нас хотят лишить! И поспрашивать по настоящему не дадут! Не скоты же мы! Работай, работай, да и не вышей! Не модель это! Беспорядки от этого могут выйти!”²⁴. Женщины тоже разочаровались: “Ничего нужного в этой винополитике. Прежде мужика удержать легче было: знаешь, что он сидит в кабаке, ну придешь туда, уговоришь его. А теперь и не найдешь его скоро, в закаулки заходят, а то и в дом к кому-нибудь, не догадаешься”²⁵.

Даже когда первоначально крестьяне встречали винную монополию с радостью, потому что раньше хорошей водки в кабаках никак нельзя было найти, а государственная водка была высокого качества и не разбавленная, то все равно, вскоре начинали проявлять недовольство. На свадьбах крестьяне жаловались, что теперь расходов больше, так как раньше при плохой водке приглашенные напивались быстрее, а теперь нужно было запастись большим количеством, так как “это не честь хозяину если со свадьбы уйдешь трезвым”²⁶.

Характерно, что для крестьян каба́к был местом, где они чувствовали себя свободными в своих действиях: “То ли было: сиди вышивай спокойно, что хошь твори”²⁷. “Каба́к наш общественный, мы хозяева над ним, а это говорят *царский*, значит плохого слова не смеешь выпустить, а мужик без этого не может”²⁸.

На практике, каба́к был местом куда приглашали родных и общались с односельчанами, а при новом порядке оказалось, что в свободное время некуда пойти. Таким образом, почти все население осталось недовольным, никто не увидел пользы.

В 1899 г. Министерство финансов обратилось к губернской администрации и духо-

²⁰ *Сведения о питейных сборах*, III, Санкт-Петербург 1860.

²¹ М.С. Терский, *Питейные сборы и акцизная система в России*, Санкт-Петербург 1890, с. 129.

²² J. Lalouette, “Les débits de boissons urbains entre 1880–1914”, *Ethnologie française*, 1982 (XII), 2.

²³ Д.Н. Бородин, “Винная монополия”, *Труды комиссии по борьбе с алкоголизмом*, I/1, Санкт-Петербург 1898–1915.

²⁴ *Архив русского этнографического музея* [АРЭМ], фонд 7, дело 1819.

²⁵ АРЭМ, фонд 7, дело 1819.

²⁶ АРЭМ, фонд 7, дело 954.

²⁷ АРЭМ, фонд 7, дело 882.

²⁸ Там же.

венству, с просьбой сообщить результаты почти пятилетнего действия реформы. В официальных отзывах, поступивших в Министерство финансов, отмечалось, что “реформа произвела значительный переворот к лучшему в народной жизни, но повсеместно обращалось внимание на появление уличного пьянства, как главный побочный эффект новой питейной политики”²⁹.

На практике, в деревне пили водку не только на улице: появились дома, где крестьяне стали собираться, а хозяева давать им закусить в обмен на угощение водкой. “Пить одному не сподручно, говорят крестьяне, всякий товарища ищет. В кабаке раньше всегда приятеля найдешь, а теперь ищи их, да беспокой, а как не найти? На все другое, а выпить для компании никто не откажется”³⁰.

Оказалось, что политика, направленная на уничтожение кабака, во благо народа, шла в разрез с потребностями самих крестьян. Их отношение к кабаку можно сформулировать их же словами: “Без церкви и кабака государство стоять не может, опять будут кабаки”³¹.

Основываясь на данных архива князя Тенишева, с уверенностью можно сказать, что деревенский кабак не был местом пьянства и разврата, а местным клубом, “в котором крестьяне собираются для обсуждения своих дел, как личных, так и общественных, а иногда чтобы просто провести время и почитать газеты”³², “в кабаке обсуждаются все дела”, “как перед началом дела, так и после, каждый считает необходимым зайти в кабак и посоветоваться с кабатчиком”, “перед судом каждый ведет своих свидетелей в кабак угощать, а после суда опять идут в кабак благодарить”³³, “в кабаке узнаются все новости, там же устраивается карточная игра, а в длинные осенние вечера, чте-

ние преимущественно сказок”³⁴. Одним словом “кабак для крестьянина самое любимое место пребывания”³⁵.

В деревне отмеченными локусами, то есть основными традиционными “местами встреч” являлись церковь, кабак, колодец, прорубь и изба старосты, причем их распределение отражало половозрастную специфику тяготеющих к ним групп. Церковь и колодец считались скорее женским пространством, а кабак и изба старосты мужским. Строго говоря, кабак был местом мужских общих интересов. Для мужчин посещение кабака являлось неотъемлемой частью их деловых будней и праздничных дней: “кабак место постоянных крестьянских сборищ после церкви, поэтому являются в него как по заведенному порядку”³⁶.

Территория кабака считалась нейтральной и, именно поэтому, подходящей для созыва сельских сходок (собраний для обсуждения насущных проблем общины) и заключения договоров. “Договоры совершаются чаще всего в кабаке или трактире. Заключение сопровождается *литками* или *могарычом*. Когда могарыч выпит – значит договор состоялся”³⁷. Эта традиция распространялась и на договоры о будущем родстве, которые также часто заключались в кабаке³⁸.

В традиционной культуре, любой договор и шире любое событие нужно “сбрызнуть” – то есть зафиксировать, дать ему точку отсчета. С момента совместного распития вина, событие становится действительным, и его вводят в индивидуальную жизнь или в жизнь коллектива.

В этом контексте следует упомянуть о “примирении на вине”. Распитие вина было своеобразным “закреплением” уже достигнутого примирения, и, таким образом являлось завершающим этапом процесса разбора конфликта. Совместная выпивка, как вариант общей трапе-

²⁹ *Отзывы о результатах введения казенной продажи питей*, Санкт-Петербург 1901.

³⁰ АРЭМ, фонд 7, дело 882.

³¹ АРЭМ, фонд 7, дело 954.

³² АРЭМ, фонд 7, дело 1448.

³³ АРЭМ, фонд 7, дело 1148.

³⁴ АРЭМ, фонд 7, дело 1069.

³⁵ Там же.

³⁶ АРЭМ, фонд 7, дело 977.

³⁷ АРЭМ, фонд 7, дело 546.

³⁸ АРЭМ, фонд 7, дело 687.

зы, обладала символической составляющей, и позволяла сформироваться новым отношениям между помирившимися³⁹. Кабак был одним из традиционных локусов примирения, где, в частности, и могло происходить “примирение на вине”; напомним пословицу Даля “Где хотите бранитесь, а на кабаке помиритесь”⁴⁰. С другой стороны, именно там начиналось большое количество ссор. Что касается частых конфликтов в кабаке, то они объясняются, в значительной степени, особым статусом кабака в деревне. Кабак был местом, где снимались многие повседневные конвенции поведения: “в кабаке очень часто происходят драки, потому что там их никто не запрещает”⁴¹.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что потребление алкогольных напитков в кабаке носило скорее ритуальный характер, и находилось в прямой связи со значением алкоголя как регулятора социальных отношений, как знак принадлежности к определенному коллективу. Питье в одиночку неприемливо для традиционной культуры, оно несет характер отчуждения от коллективных ценностей, оно беспричинно, а, значит, аномально. В этом контексте, становится понятным неудовольствие, с которым крестьяне встретили отмену кабака. Пить у “казенки” – это нарушение ритуала общей трапезы.

Государство, борясь с пьянством, уничтожило кабаки, не предложив подходящей альтернативы. Крестьяне вынуждены были собираться на улице или в домах, что явно

доказывает необходимость иметь определенное место встречи.

В связи с проблемой распространения пьянства среди крестьян, любопытно упомянуть мнение на этот счет, полученное в архив Тенишева из Новгородской губернии: “Конечно, нет ничего проще как обозвать крестьянина пьяницей, ведь крестьянин не пойдет жаловаться. Остается в выиграше кабинетный писатель народного пьянства, потому что ему не нужно всестороннее изучение жизни крестьянина. Беспристрастно нужно сказать, что настоящих пьяниц у нас очень и очень мало. Их 10 процентов, а 90 процентов непьяниц”⁴².

Подобный взгляд на действительность “изнутри”, дает основания полагать, что пьянство совсем не связано с кабаком, и пить в кабаке это не самоцель. Скорее напрашивается другой вывод. Кабак в структуре деревенского пространства выполнял определенные функции, соответствующие потребностям коллектива. Он не только создавал и стимулировал общение, но и облегчал условия, как для торгового обмена, так и для быстрого циркулирования информации.

Таким образом, распространенный тезис, что в кабак идут только от безысходности, и плохой жизни, необходимо снюансировать, так как он основывается исключительно на презумции, что человек в принципе предпочитает частное пространство общественному, но не учитывает факта, что переход от общественного к частному – это длительный и сложный процесс.

www.esamizdat.it

³⁹ А. Кушкова, *Ссора в традиционной крестьянской культуре: структурно-типологический анализ (вторая половина XIX – начало XX вв.)* [диссертация], Санкт-Петербург 2003, с. 229–235.

⁴⁰ В. Даль, *Пословицы русского народа*, Москва 1998, II, с. 166.

⁴¹ АРЭМ, фонд 7, дело 1103.

⁴² АРЭМ, фонд 7, дело 687.